

«Белая гвардия» в парке Чаир «Царская» пьеса о Колчаке пролетарского драматурга Павла Арского: фрагменты судьбы

В статье рассматриваются две редакции пьесы П. А. Арского «Белая гвардия (Адмирал Колчак)». В частности, упомянуты основные печатные источники, послужившие основой для сюжета пьесы, освещены некоторые обстоятельства, предопределившие ее появление, рассмотрены фрагменты творческой биографии автора, подписавшего в декабре 1928 г. знаменитое письмо пролетарских драматургов к И. Сталину. (Письмо пролетарских драматургов — документ, призванный обратить внимание главы СССР на «особое положение» М. А. Булгакова, писателя, «воспевающего белогвардейщину», но востребованного советским театром.) Основное внимание автор статьи уделяет приближению к ответу на вопрос: в чем почти незаметно, но все же пересеклись две, казалось бы, противоположные друг другу «Белых гвардии» — М. Булгакова и П. Арского?

The article addresses two editions of the play “The white guard (Admiral Kolchak)” by P. Arskiy. The author refers to the main published sources that form the basis of the plot and illustrates fragments of the artistic biography of the writer who signed a famous letter from proletarian dramatists to J. Stalin in December 1928. (The letter from the proletarian dramatists was a document aimed at turning the attention of the head of the USSR toward “the exceptional position” of Mikhail Bulgakov, the writer who was “praising the White Guardists” whilst also being in the demand of soviet theatre.) The author focuses on getting closer to the answer to the question: where do these two opposite works cross each other?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И ФРАЗЫ: Павел Арский, Михаил Булгаков, И. Сталин, пьеса «Белая гвардия (Адмирал Колчак)», сюжет пьесы, пролетарская литература.

KEYWORDS AND PHRASES: Pavel Arskiy, Mikhail Bulgakov, J. Stalin, play “The white guard (Admiral Kolchak)”, the plot of the play, proletarian literature.

В декабре 1928 г. члены объединения «Пролетарский театр» пишут письмо И. В. Сталину. В письме, как известно, много вопросов к адресату, касающихся неверной, с точки зрения пролетарских драматургов, политики Главреперткома и шире — Главискусства, возглавляемого в то время А. И. Свицерским. Авторы письма к Сталину интересуются:

Как расценивать фактическое «наибольшее благоприятствование» наиболее реакционным авторам (вроде Булгакова, добившегося постановки четырех явно антисоветских пьес в трех крупнейших театрах Москвы; притом пьес, отнюдь не выдающихся по своим художественным качествам, а стоящих, в лучшем случае, на среднем уровне)? —

(напомним, четыре пьесы — это «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров» и «Бег»).

Среди авторов письма — поэт и драматург Павел Александрович Арский, написавший к сентябрю 1926 г. пьесу «Белая гвардия (Адмирал Колчак)». Как складывалась и от чего зависела судьба этой пьесы, совпавшей названием и темой с пьесой Михаила Булгакова «Белая гвардия (Дни Турбиных)», 5 октября 1926 г. впервые сыгранной на сцене Московского Художественного академического театра (МХАТ)? В чем почти незаметно, но все же пересеклись две, казалось бы, противоположные друг другу «Белых гвардии» — Булгакова и Арского?

В списки драматургических произведений, регулярно составляемые Московским Обществом драматических писателей и композиторов (МОДПиК) для пополнения каталога пьес Общества, пьеса Булгакова попадает осенью 1926 г.¹ Она названа в списке именем окончательной — третьей редакции: «Дни Турбиных». До августа 1926 г. пьеса называлась «Белая гвардия» (под таким именем в 1925 г. она была принята к постановке в МХАТе²), с августа 1926 г. пьеса меняет название, теперь она называется «Семья Турбиных», вскоре на коллегии МХАТа будет принято ее почти окончательное имя — «Дни Турбиных (Белая гвардия)» (на афише появится только его первая часть — «Дни Турбиных»).

В октябре 1926 г. Арский испрашивает у Главреперткома разрешения на публичное исполнение пьесы «Колчаковщина (Адмирал Колчак)». Так пока называется написанная им пятиактная драма — одна из ее первых редакций. Передавая в Театрально-музыкальную секцию Главреперткома два машинописных экземпляра пьесы, он прилагает к ним специальную и обязательную для заполнения в таких случаях форму-бланк № 4 (для рукописей и изданных текстов, предлагаемых авторами текстов к публичному исполнению). В графе «Форма произведения (драма, комедия, куплет, частушки и т. п.)», он пишет: «Социальная драма»³.

Не дожидаясь ответа от Главреперткома, Арский, проживающий в Ленинграде, в ноябре 1926 г. обращается в ленинградский отдел МОДПиК с просьбой о включении в каталог новых пьес пьесы «Белая гвардия (Адмирал Колчак)»⁴. Под таким названием «социальная драма» включена в списки Общества, которые, как известно, формировались исключительно для служебных целей — для агентов, извещающих Правление МОДПиК о новых постановках драматургических произведений в театрах СССР.

Общество, не беря на себя функции цензурного органа — Главреперткома, контролировало своевременную уплату театром отчислений, полагаемых автору инсценированного произведения с каждого показа спектакля. В одном из дополнений к каталогу МОДПиК подчеркивалось:

Настоящее дополнение не может служить указателем разрешаемых к постановке пьес, а служит лишь справочником для агентов Московского общества драматических писателей и композиторов. <...> Выдается на руки агенту лишь в количестве одного экземпляра и не может быть передаваемо другому лицу⁵.

В январе 1926 г. Общество уверяло отдел политического контроля ОГПУ в том, что

пьесы, неизданные и запрещенные Главреперткомом к постановке, нами не рассылаются и не продаются. И впредь, рассылаются и продаваться не будут⁶.

Хотя исключения из правил все же бывали.

Например, история с текстом пьесы А. Д. Поповского «Наместник Христа», отправленным МОДПиК в Астраханский

театр; 17 февраля 1926 г. Общество информировало ОГПУ: пьеса Поповского «нами не печаталась и распространяться не будет», а отправку текста в Астрахань объяснял тем, что автор ввел в заблуждение МОДПиК, заверив, «что пьеса его “Наместник Христа” разрешена к постановке по литере “А”»⁷. Данной литерой обозначались произведения

безусловно рекомендуемые к постановке, представляющие значительную идеологическую и художественную ценность⁸.

Арский в заблуждение никого не вводил. Разрешение Главреперткома на постановку не получено, но драматург, видимо, уверен в том, что его пьеса получит одобрение цензоров. Уверенность отчасти объясняется биографией Арского, на которой следует ненадолго остановиться.

Путь Арского в пролетарскую литературу начался в церковно-приходской школе при Полтавской духовной семинарии и с пропагандистской работы, которую он, служа матросом на военном корабле «Сестрица», вел в 1905 г. среди матросов Черноморского флота. За это он был арестован, приговорен к нескольким годам тюремного заключения, бежал из-под стражи, жил (по подложному паспорту) у родственников в Полтаве.

В Полтаве Арский участвует в рабочих выступлениях, снова попадает в тюрьму. В полтавской тюрьме он пишет стихотворение «Красное знамя», посвященное царскому манифесту 1905 г.:

Царь-самодержец на троне сидел,
Он на Россию в окошко глядел.
Плачет Россия!
Все люди простые
Стонут от горя — тюрьма да расстрел.

Стихотворение расходуется в листовках. Далее — снова революционная работа и ссылка в поселок Арск под Казанью, отсюда псевдоним — Арский, настоящая фамилия драматурга — Афанасьев.

В 1912 г., со слов его внучки Натальи Арской, написавшей книгу о своем деде⁹, Арский приезжает в Петербург. Сочиняет скетчи и водевили: «Где ее невинность?», «Муж без маски», «Пьяная аптека», «Долой женщин!», «Хочу негра» и др. Содержание этих драматургических веселых

поделок для кабаре и «уютных кафе» незамысловато. Но их издают, востребованность их очевидна. Арский продолжает писать стихи: как лирические («Нет! Продли еще сладость томленья», «В бокал с вином упала роза»), так и политические. Некоторые из них (и ранние, и написанные позже — в 1917 г.) впоследствии будут напечатаны, некоторые — войдут в советские антологии, как, например, небезызвестное стихотворение «За честь России-матушки» («Солдатская баллада»), посвященное солдатам, гибнущим на фронте Первой мировой:

В сраженье — дело ясное,
Судьба солдат опасная,
Их губят пули меткие,
Кусают блохи едкие.
Порой под пулеметами
Они валяются ротами...¹⁰.

С началом Первой мировой войны Арский мобилизован в лейб-гвардии Павловский полк и снова берется за борьбу с самодержавием, доставляя в казармы подпольные большевистские газеты и прокламации. За проведение среди солдат «разъяснительной работы» рядовой Арский отправлен на передовую. Ранен. Вернувшись в Павловский полк, он снова занимается революционной агитацией. Февральской революции не принимает, включается — на стороне большевиков — в беспокойную жизнь предреволюционного Петрограда. Стихотворение «За честь России-матушки» понравилось В. И. Ленину: он публикует его в газете «Правда» (в номере от 16 июня 1917 г.). После октябрьских событий Арский вступает в РКП(б), занимает руководящие посты в петроградском Пролеткульте, работает в двух отделах — литературном (Лито) и театральном (Тео). Его пьесы ставит Первый рабочий революционный театр Мгберова, выступавший по боевым частям с пьесой Арского «Красные и белые»¹¹. Совпадений в биографиях Булгакова и Арского немного — слишком разные судьбы: разве что увлечение бильярдом и работа в Лито. (Первым местом работы Булгакова — после переезда в Москву осенью 1921 г., как известно, был Литературный отдел, Лито Наркомпроса РСФСР. Жизнь литературных отделов была недолгой: никто не хотел писать книг, как говорилось в одном из отчетов московского Лито за 1921 г., «за смешное грошовое вознаграждение, не обеспечивающее затраченной энергии»¹².)

В 1920-е гг. Арский известен (и не только в Ленинграде) как плодовитый литератор. К середине 1920-х его пьесы идут в театрах Ленинграда и в провинции, их выпускают «Издательство Пролеткульта», «Прибой», издательство МОДПиК. Среди изданного — «За Красные Советы»¹³, «Голгофа: трагедия из эпохи Парижской коммуны. 1871 год»¹⁴, «Черная пена»¹⁵ и др. Пьеса «Конец Романовых»¹⁶ (написана в соавторстве с Марком Евгеньевичем Волоховым) шла в Ленинграде в Театре драмы и комедии (в начале ноября 1925 г. она по распоряжению Реперткома снята с репертуара), Ташкенте, Чите. Кроме того, «Государственное издательство» выпускает литературно-исторический сборник «1905 год»¹⁷, составленный Арским. В 1925 г. выходит его книга «М. М. Володарский (Материалы для биографии и характеристики)»¹⁸ и — под его редакцией — сборник «Загадка Савинкова»¹⁹. Литературная карьера Арского складывается вполне успешно. Творческое осмысление недавних исторических событий подводит его — человека весьма умеренных литературных способностей, но большой энергии и с революционным жизненным опытом в «копилке», — к теме Белой гвардии.

Толчком для написания «социальной драмы», скорее всего, послужила вышедшая в 1925 г. книга «Допрос Колчака»²⁰. В ней собраны стенограммы протоколов заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу белого адмирала, одного из руководителей Белого движения. Бывший главнокомандующий Императорским Черноморским флотом и в Гражданскую войну — «правитель Омский» становится главным героем драмы Арского. Социальный конфликт в этой пьесе — между Колчаком, героем Белого движения, и набирающим силу движением рабочих — драматургу дается с трудом, и дело не только в степени одаренности Арского. Главной помехой выступает его желание — оперативно совпасть с конъюнктурой текущего момента, как можно стремительнее ответив на его «запрос»: советскому театру нужны пьесы о «революционной современности», о Гражданской войне? Так мы их дадим. В 1926 г. популярные в пореволюционные годы пьесы-суды, построенные на идее «суда истории» над представителями «царского режима», весьма незатейливые по композиции, все еще ставились, но популярность их сходила на нет. Бесконечно «выжимать» из зрителей восторг сопричастности к «суду истории» — невозможно. Кроме того, театры были озабочены кассовыми сборами. Так, Киевский драматический театр летом 1926 г. гастролитировал в Виннице

с пьесой «Суд над домом Романовых». В пьесе, как сообщала «Винницкая рабочая газета», были выведены «все существующие особы дома Романовых, от Петра I-го до Николая 2-го»²¹. В качестве свидетелей в суде участвовали «Емельян Пугачев, Наполеон, Бейлис, А. С. Пушкин»²². Постановка успеха не имела. В винницкой прессе она была названа оскорбительной для театральной публики (особенно обидным рецензентам показалось то, что в роли осуждаемых «особ дома Романовых» в спектакле выступали куклы).

В 1925 г. пьеса «Белая гвардия» Михаила Булгакова о Гражданской войне в Киеве, среди главных героев которой — гетман Скоропадский и «петлюровская сила», принята к постановке в Художественном театре и репетируется, несмотря на недовольство Главреперткома ее «белогвардейским» содержанием, идеологически чуждым пролетарским массам. Разве на драматурга, вышедшего из этих масс, запрос современности не распространяется? Вполне. И даже, казалось бы, в большей степени. Неслучайно Арский, отправляя письмо в МОДПиК, переназывает свою пьесу о Колчаке, давая ей название пьесы булгаковской — «Белая гвардия» (именно это название пьесы о Турбиных, переименованной к премьере в МХАТе в «Дни Турбиных», закрепилось не в зарубежной, а в советской периодике 1920-х гг.).

Пьесу о Турбиных Булгаков создавал, используя важный для драматургической композиции прием: социальный конфликт, буря Гражданской войны, как в капле, отражена в жизни одной семьи. Эта пьеса в высшей степени не документальна. И в этом ее бесконечное преимущество перед «текущим моментом», угодить которому возможно только в одном случае — доверив изменчивую современность полноте *большого времени* (М. М. Бахтин). Текст пьесы Булгакова, перекроенный (и не раз) по цензурным соображениям, смог выжить, уступая «текущему моменту», но — в своей открытой цельности — он оказался сильнее запросов *малого времени*. Арский взялся за «Белую гвардию» иначе — будто не доверяя самому себе: творческой свободе он предпочел «силу» документального источника, «историческую правду», которая излагает факты, но художественной интерпретации не учит.

Реальные факты биографии адмирала и ученого, действительного члена Императорского Русского географического общества — договор с американским адмиралом Джеймсом Гленноном о поездке в Америку, недовольство

Колчака правительством Керенского и самим Керенским, предательство союзников-«белочехов» — Арский пытается изобразить объективно, почти дословно переводя сведения, изложенные в стенограммах суда над Колчаком и опубликованные Центрархивом, в узкое пространство создаваемого им художественного текста — странного в своей размытости, но водевиля, где все беды, как правило, случаются из-за глупой гордыни и самодурства лубочных барынь. В пьесе этой гордыне подвержена жена Колчака, Софья Федоровна, мечтающая увидеть своего мужа Наполеоном, диктатором России. Водевильен немощный и истеричный Керенский, которому Колчак докладывает о планомерном «нравственном развале» армии²³. Реплика Керенского на просьбу Колчака освободить его от командования флотом — «Нельзя отмазываться от работы, адмирал»²⁴.

В первой редакции пьесы «Белая гвардия (Адмирал Колчак)», переданной Арским в Главрепертком в 1926 г. — пять действий и семь картин (возможно, были и другие варианты первой редакции пьесы, но нам о них ничего неизвестно). Главные действующие лица — их не так много: Керенский, адмирал Колчак, его жена Софья Федоровна. В пьесе выведены и другие реальные исторические персонажи: генералы Болдырев, Алексеев, Дудоров, чехословацкий генерал Гайда, адмирал Гленнон.

Время в «Белой гвардии» Арского будто застыло вокруг одного-единственного человека — Колчака. Он, предпочитая разговоры о военной дисциплине каким-либо действиям, словно говорит из прошлого с будущим, которое его, по сути, уже похоронило. В этом заранее уверены и автор пьесы, и ее главный герой, и потенциальные зрители. Пожалуй, единственная живая картина в пьесе — вторая картина второго действия. В ней провокаторы Серая Кэпи (так! — М. М.) и Рваная Шинель смущают толпу рабочих речами о бегстве «большевичков», ограбивших народ. Но и эта картина жива до тех пор, пока не появляются сами большевички — партизан Мураш и матрос Чуднов: они — с помощью разъясняющей речи — берут ситуацию в свои руки (в пьесе Арского, изобилующей длинными монологами, все много говорят, но без особого удовольствия, как обычно и бывает на допросе). Чуднов выступает перед смущенными провокаторами народом, говоря о необходимости противостояния союзу Англии, Германии, Франции и Японии, заключенному для того, чтобы «заглушить пролетарское государство»²⁵.

Зачем Арский взялся «инсценировать» стенограммы допроса Колчака? Возможно, надеясь на повторение кратковременного успеха «Конца Романовых»? В этом драматургическом произведении так же выпукло представлена фигура главного героя — Николая II, выходящего «на зрителя» с «глупыми размышлениями», и здесь плохо влияет на главного героя его супруга — истеричная Александра Федоровна. (При написании драмы соавторы Арский и Волохов, в частности, пользовались сведениями из очерка П. М. Быкова «Последние дни последнего царя», опубликованного в 1921 г. в сборнике «Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты»²⁶.)

Какова же оценка первой редакции пьесы цензором? Отзыв политического редактора на «Колчаковщину», написанный 18 ноября 1926 г., весьма точно характеризует «социальную драму» Арского:

Последний акт — допрос Колчака следственной комиссией, сделанный по книге «Допрос Колчака» (как, впрочем, и вся пьеса). Изложение, принятое в пьесе, отличается большим политическим «объективизмом», вполне уместном в историческом документе. Но сохранение его в пьесе привело к изображению Колчака, как индивидуального героя с громадной волей, необычайной честностью и, в конце концов, непонятно почему он, как личность, несет ответственность. Финал пьесы — канонада, которая вынуждает следственную комиссию принять решение о расстреле (Колчака. — М. М.) звучит каким-то актом мести большевиков, так как повторяю, персональная вина Колчака не установлена, а пьеса рисует его личную судьбу таким образом, что единственным мотивом выступления Колчака против большевиков являются лишь честолюбивые замыслы его жены, а причина его гибели — интриги чешских генералов²⁷.

Вывод рецензента, отнесшего пьесу «к категории псевдоисторических “царских” пьес», однозначен:

Считаю, что показать пьесу было бы неудобно по политическим [соображениям]²⁸.

С политическим редактором согласен заведующий Театрально-музыкальной секцией Главреперткома. Его заключение — «запретить»²⁹. Но окончательное решение о запрещении все же не принято.

На бланке Главреперткома с отзывом политического редактора член Главреперткома и один из борцов с «булгаковщиной» на театре Ричард Витольдович Пикель оставляет свой автограф-напоминание:

Автор — коммунист. Дать т. т. Маркарьяну и Орлинскому прочитать, затем — в Г. Р. К.³⁰.

Товарищ Маркарьян — Сергей Николаевич (Седрак Микаэлович) Маркарьян, в 20-е гг. — помощник начальника отдела информации и политического контроля ОГПУ. Его точку зрения на пьесу «Дни Турбиных», отразившую, по мнению Маркарьяна, «великорусский шовинизм» Булгакова, сохранил стенографический отчет партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б), состоявшегося в мае 1927 г.³¹. Александр Робертович Орлинский — советский театральный критик и «мхатоед», принимавший активное участие в непростой судьбе пьесы «Дни Турбиных» в МХАТ, в представлении и вовсе не нуждается. Отзывы Маркарьяна и Орлинского на пьесу Арского в фонде Главреперткома в РГАЛИ, просмотренном нами, отсутствуют. Скорее всего, пьеса была отправлена автору на доработку — ее запрещение не было окончательным.

Судьбой «социальной драмы» о Колчаке, переданной в 1926-м г. в Главрепертком, Арский начинает интересоваться лишь в конце марта 1927 г. Доверяя получить пьесу товарищу А. И. Воронцу, он высылает в Главрепертком доверенность — на бланке Всеукраинского товарищества «Друзья детей»³², расположенного в Харькове по адресу Спартаковский переулок, 3. Видимо, если судить по отметке «исх.» на бланке-отзыве, пьеса передана доверенному лицу 6 мая 1927 г. Но что Арский делал в Харькове?

Обратимся к книге его внучки. Она пишет, что в 1925 г. Арский и его жена (дочь коллежского асессора М. Ф. Федина — казначея великого князя Константина Константиновича Романова) уезжают из Ленинграда сначала в Псков, а затем в Харьков — драматургу поручили «организацию газетно-журнального дела» в провинции. В Пскове Арский был заместителем редактора газеты «Псковский набат», в Харькове — членом редколлегии журнала «Красное слово»³³. Однако и заявление в Главрепертком о разрешении к постановке пьесы о Колчаке, приложенное к двум экземплярам «социальной драмы», и письмо в МОДПиК с просьбой о включении

в каталог пьесы «Белая гвардия (Адмирал Колчак)» Арский отправляет в 1926 г. из Ленинграда, указывая свой домашний адрес: ул. Ракова, 29, кв. 5. Семейные предания не всегда надежны, но ими, само собой, не стоит пренебрегать. Из книги внучки Арского мы, в частности, узнаем, что ее дед был заядлым бильярдистом. Конечно же, среди его партнеров по бильярду — В. В. Маяковский. Играли в Клубе писателей. Об одном эпизоде, передаваемом по воспоминаниям поэта Михаила Александровича Зенкевича³⁴, его внучка пишет:

Играли они долго дед проиграл, и, видимо, не только одну бутылку вина. Расставаясь, Маяковский сказал: «Я тебе верю, ты отдашь», но дед не успел вернуть свой долг — Маяковский вскоре застрелился³⁵ —

(самоубийство пролетарского поэта номер один произошло 14 апреля 1930 г.). Кто только не играл с Маяковским в бильярд... Среди его партнеров по игре был, как известно, и Булгаков.

В 1929 г. Арский с семьей приезжает в Москву, ожидая, когда закончится строительство дома писателей в проезде Художественного театра, в котором он, «в числе первых новоселов», поселится в 1931 г. К этому времени Арским написан роман «Человек у конвейера», вышедший в 1929 г. в издательстве «Земля и фабрика»³⁶, МОДПиК переиздает его комедию «Черная пена»³⁷ (в 1927-м издана одноактная комедия «Мокрое дело»³⁸), в 1929-м тем же Обществом издана пьеса Арского «Атаман Булак-Балахович»³⁹. Для Булгакова 1929 г. — год запрещения⁴⁰ его пьес «Зойкина квартира», «Багровый остров», прекращение в МХАТе репетиций «Бега». В сентябре 1929 г. «Дни Турбиных» исчезают из репертуара Художественного театра (последний спектакль прошел в конце июня)⁴¹, чтобы возвратиться к зрителю только 18 февраля 1932 г. В июле 1929 г. Булгаков пишет письмо И. В. Сталину с просьбой «об изгнании <...> за пределы СССР» (эту просьбу он повторит в Письме Правительству СССР в марте 1930 г.).

Пьеса о Колчаке не оставляет Арского: он берется за ее переделку. Возникает вторая редакция «социальной драмы», о датировке которой мы можем говорить лишь предположительно — конец 1920-х гг., так как экземпляр пьесы — машинопись, хранящаяся сегодня в фонде Главреперткома в РГАЛИ⁴², даты не имеет. Пролетарский драматург меняет название пьесы. Теперь она называется «Разгром Колчака».

Исчезло и уточнение — «социальная драма». С точки зрения классового подхода к искусству — более внятно и идеологически приемлемо. Но далее...

Стараясь учесть все замечания цензоров, Арский привносит в пьесу «красноармейский элемент», вводятся новые персонажи: главным героем пьесы становится Ольга Стругова — красавица и командир партизанского отряда, ей Арский поручает «установить персональную вину Колчака». Матрос Чуднов превращается в командира полка Красной армии, партизан Мураш — в военкома, исчезает Керенский (его репликами отчасти завладевает новое действующее лицо — контр-адмирал Лукин). Роль адмирала Колчака значительно сокращена. Обаяние одинокого и по-военному жесткого человека, до последнего остающегося «на тонущем корабле» белой армии и одновременно — пленника на веселом корабле драматургии Арского, теперь сильно разбавлено присутствием в пьесе многочисленных красноармейцев и партизан, уже в первом действии пришедших с обыском на флагманский корабль «Георгий Победоносец».

Однако документальный образ Колчака, заимствованный из документов Центрархива, упорно и сам по себе сопротивляется окружающей его художественной клоунаде. Его сценическое благородство, иной раз доведенное до оперного гротеска (читателю почему-то кажется, что Колчак вот-вот запоет), достигнуто нечаянным (против замысла автора) совпадением в пьесе документальной основы реплик адмирала — реального исторического персонажа — и частушечной стихии красноармейцев и партизан, рожденной исключительно воображением драматурга. (Вспомним Хлудова из булгаковского «Бега», наделенного теми же скупыми чертами — «душа суда требует», но при этом человека «клоунского» упорства, понимающего, что белая армия бессильна, «что ничего не выйдет».)

Во второй редакции пьеса значительно оживает: адмирал — жест отчаяния — бросает за борт флагманского корабля «Георгий Победоносец» свое золотое оружие, «дорогой подарок государя императора», полученный Колчаком за храбрость «в делах против неприятеля под Порт-Артуром». Он уточняет — перед побегом с корабля: «Флота нет. Россия гибнет». В этот момент на палубе появляется военком Мураш — с песней:

Славное море, Священный Байкал.
Славный корабль, омулевая бочка...

Эту же песню, но только «с болью и гневом», во втором действии хором поют плененные белыми красноармейцы. Едва они заканчивают, приходит освобождение: красавица Ольга Стругова и ее отряд совершают на тюрьму налет. Все спасены, только муж Ольги, большевик-подпольщик Шепелев, убит. (Невольно текст пьесы Арского отсылает современного читателя к главе 17 «Беспокойный день» романа Булгакова «Мастер и Маргарита», в которой сотрудники филиала зрелищной конторы в Ваганьковском переулке — после визита Коровьева-Фагота — «против своего желания» охвачены странным недугом: пением «Славного моря...».)

Мураш в пьесе Арского — не единственный «поставщик» народных и веселых мотивов, но он ответственен за жизнерадостную тему любви, выраженную, например, такими частушками:

Я вас люблю, и вы поверьте,
Когда моряк Вам говорит...
Любить он вас до тех пор будет,
Пока у пристани стоит⁴³.

Веселит потенциального зрителя и начальник штаба партизанского отряда Груздев, объясняя Марье Ивановне, матери Ольги Струговой, почему на нем галифе не по росту — снял с белогвардейца:

Нет, извиняюсь я... Вам надо знать. Он был жестокий феодал, полковник царской армии, а после белый колчаковец, что позорно убежал от нас. И на ходу им был потерян этот непревзойденный трофей. <...> А вы знаете, как он блистал на всех балах и пикниках в своем нахальном самомнении матерого и злого феодала. И в каких огромных удовольствиях и неге утопал он многие года⁴⁴.

Опытный создатель скетчей и водевилей для «уютных кафе» предлагает зрителю свой вариант партизанской жизни. Здесь никто не унывает. Здесь все свидетельствует о благонадежности народных интермедий.

Но меткий карандаш неизвестного цензора все равно подчеркивает некоторые сомнительные — с идеологической точки зрения — фрагменты пьесы. Например, реплику Шепелева об «эффективности пыток», применяемых «колчаковской контрразведкой»:

Это (предательство некоторых членов партийной организации большевиков. — М. М.) произошло потому, что белые применяют жесточайшие пытки. И благодаря этому им удается узнать очень многое⁴⁵.

Главный противник Колчака — красавица Ольга Стругова (среди мотивов — муж погиб в белогвардейском застенке) в финале пьесы проводит допрос Колчака. Она же говорит заключительную речь, обвиняя адмирала

в бунте и восстании при помощи и поддержке иностранных правительств, против власти рабочих и крестьян⁴⁶.

Колчака уводят, за сценой свершается приговор. А победившие красноармейцы получают две телеграммы. Первая:

Поздравляем с победой вас и всех активных участников разгрома колчаковских банд. Ленин... Сталин...⁴⁷.

Вторая следует за первой:

Желаем дальнейших успехов в работе. Привет. Ленин. Сталин⁴⁸.

Пьеса заканчивается игрой на гармонике шутника-Груздева, он играет и поет: «Погон французский, табак японский, правитель Омский»⁴⁹. Последняя ремарка пьесы: «За окном марш. Песня красноармейцев»⁵⁰.

Арский переделал «Белую гвардию», но это не помогло пьесе: она так и не вышла на сцену (от печатания этого текста тоже решили воздержаться). Вероятно, и не могла выйти. Помимо невысоких драматургических достоинств, в «Разгроме Колчака» допущена еще одна, едва ли не главная, ошибка — упоминание имени Сталина, и не только в финале пьесы (хотя и этого вполне достаточно, так как две телеграммы, подписанные одновременно двумя вождями, производят эффект вполне комический — откровенно фарсовый), но и в ее начале. Командир полка Красной армии Чуднов, вторя Ольге, рассказывающей об успехах Сталина и Дзержинского в деле освобождения Урала от белогвардейцев, говорит следующее:

Сталин смелым и решительным маневром выправил ошибки и восстановил боевые качества нашей армии. Мы перешли в наступление и Колчак покотился назад⁵¹.

В феврале 1929 г. Сталин пишет ответ пролетарским драматургам, обратившимся к нему в 1928 г. с вопросом: как же расценивать фактическое «наибольшее благоприятствование» наиболее реакционным авторам вроде Булгакова?

В ответном письме Сталин обращается к Владимиру Наумовичу Билль-Белоцерковскому, но ответ ясен всем, кто это письмо подписал:

Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбьи даже «Дни Турбиных» — рыба. Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих ее заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера. А соревнование — дело большое и серьезное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы⁵².

«Белая гвардия» Павла Арского, прожившего долгую жизнь и написавшего впоследствии еще не одну пьесу, не выдержала литературной конкуренции. Слишком явно Арский-драматург увлек «историческую тему» в пространство легких скетчей — в тот мир, где уместнее звучит популярное танго, написанное на стихи поэта Павла Арского:

В парке Чаир распускаются розы,
В парке Чаир расцветает миндаль...

Примечания

1 Список пьес. Дополнение пятое: с 1 сентября по 1 ноября 1926 года // РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 1. Ед. хр. 37: Переписка Правления [МОДПиК] с драматургами и композиторами о вступлении в Общество, о выходе из него и сообщения о новых произведениях членов Общества: 6 июля 1926 — 19 мая 1927. Л. 155.

2 В Картотеке пьес, предлагаемых МХАТом в 1925–1929 гг., пьеса о Турбиных зарегистрирована (№ 32) под своим первым назва-

нием — «Белая гвардия», с пометой, что текст пьесы находится «в репертуарной конторе». См.: Картотека пьес, предлагаемых МХАТ. Сезоны 1925/26 — 1928/29 // Музей МХТ. № 311. Карточка № 32 [без сплошной нумерации листов].

3 *Арский П. А.* Заявление в Театрально-музыкальную секцию Главреперткома от 11 октября 1926 г. : [автограф на бланке — форма № 4, Главрепертком] // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 1.

4 *Арский П. А.* Письмо в Ленинградский отдел МОДПиК от 8 ноября 1926 г. : [автограф] // РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 1. Ед. хр. 37: Переписка Правления [МОДПиК] с драматургами и композиторами о вступлении в Общество, о выходе из него и сообщения о новых произведениях членов Общества: 6 июля 1926 — 19 мая 1927. Л. 186.

5 Дополнение первое к каталогу пьес МОДПиК с 1 января по 1 марта 1926 года // РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 1. Ед. хр. 34: Переписка Правления [МОДПиК] с драматургами и композиторами о вступлении в Общество, о выходе из него и сообщения о новых произведениях членов Общества: 28 декабря 1925 — 27 июня 1926 года. Л. 266.

6 Докладная записка в отдел политического контроля ГПУ от 13 января 1926 года : [машинопись] // РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 1. Ед. хр. 34: Переписка Правления [МОДПиК] с драматургами и композиторами о вступлении в Общество, о выходе из него и сообщения о новых произведениях членов Общества: 28 декабря 1925 — 27 июня 1926 года. Л. 61.

7 Справка МОДПиК — в отдел политического контроля ГПУ от 17 февраля 1926 года // РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 1. Ед. хр. 34: Переписка Правления [МОДПиК] с драматургами и композиторами о вступлении в Общество, о выходе из него и сообщения о новых произведениях членов Общества: 28 декабря 1925 — 27 июня 1926 года. Л. 188.

8 Репертуарный указатель: официальный справочник разрешенных и запрещенных драматических, музыкальных и эстрадных произведений. М.: Гос. изд-во худож. лит.; Глав. упр. по контролю за зрелищами и репертуаром, 1934. С. 4.

9 *Арская Н. А.* Родные лица. 2-е изд., испр. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2013. 432 с.: ил.

10 *Арский П. А.* За честь России-матушки // Пролетарские поэты. В 3 т. Т 3: 1914–1917. Л.: Сов. писатель, 1939. С. 183.

11 Об этом см.: *Арская Н. А.* Родные лица. 2-е изд., испр. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2013. С. 93–94.

12 Цит. по: *Паршин Л. К.* Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Кн. палата, 1991. С. 140.

13 *Арский П. А.* За Красные Советы: драм. этюд в 1 д. Пг.: Изд-во Пролеткульта, 1920. 15 с. (Б-ка Пролеткульта).

14 *Арский П. А.* Голгофа: трагедия в 5 актах с прологом. Л.: Прибой, 1924. 108 с.

- 15 *Арский П. А.* Черная пена: пьеса в 4 д. М.: МОДПиК, 1925. 36 с. (Союз рев. драматургов).
- 16 *Арский П. А., Волохов М. Е.* Конец Романовых : историческая драма в 5-ти актах и 7-ми картинах: [машинопись]. Л.: [б. и.], 1925. 145 л.
- 17 1905 г.: литературно-исторический сб. / сост. П. Арский; под ред. И. Садофьева. Л.: Гос. изд-во, 1925. 218 с.
- 18 *Арский П. А.* Володарский М. М. (материалы для биографии и характеристики) / предисл. В. М. Андерсона. Л.: Губком при Ленинградском губисполкоме, 1925. 96 с.: ил.
- 19 Загадка Савинкова: сб. / под ред. П. А. Арского. Л.: Губком при Ленинград. губисполкоме, 1925. 98 с. (Ист. б-ка «Тени революции». № 1).
- 20 Допрос Колчака / предисл. К. А. Попова, прим. М. М. Константинова. Л.: Гос. изд-во, 1925. XI, 233 с. (Центрархив).
- 21 Суд над домом Романовых // Винниц. раб. газета. Винница, 1926. 27 июня (№ 45). С. 4.
- 22 Там же.
- 23 *Арский П. А.* Адмирал Колчак (Колчаковщина): социальная драма в 5 действиях и 7 картинах: [машинопись] // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 145. 119 л.
- 24 Там же. Л. 8.
- 25 Там же. Л. 27 об.
- 26 *Быков П. М.* Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург: Гос. изд-во «Урал. Обл. Управление», 1921. С. 3–29.
- 27 Главный Комитет по контролю за репертуаром при Главлите: отзыв политического редактора на пьесу П. А. Арского «Адмирал Колчак (Колчаковщина)»; форма № 5, № 1265: 18 ноября 1926 г.: [автограф на бланке] // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 2 об.
- 28 Там же. Л. 3.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Л. 3 об.
- 31 Пути развития театра: (стенографический отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г.). М.; Л.: Театропечать, 1927. 524 с.
- 32 *Арский П. А.* Служебная записка в Главрепертком от 30 марта 1927 года: [машинопись, подписи — автограф, на бланке Всеукраинского товарищества «Друзья детей», Харьков] // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 4.
- 33 *Арская Н. А.* Родные лица. 2-е изд., испр. Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2013. С. 114.
- 34 *Зенкевич М. А.* Сказочная эра: стихотворения; повесть; беллетристические мемуары. М.: Школа-пресс, 1994. 688 с.
- 35 Там же. С. 147.

- 36 *Арский П. А.* Человек у конвейера: роман. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 212 с.
- 37 *Арский П. А.* Черная пена: пьеса в 4 д. М.; Л.: МОДПиК, 1929. 48 с.
- 38 *Арский П. А.* Мокрое дело: комедия в 1 д. М.; Л.: МОДПиК, 1927. 8 с.
- 39 *Арский П. А.* Атаман Булак-Балахович: пьеса в 5 д. М.; Л.: МОДПиК, 1929. 63 с.
- 40 См.: Репертуарный указатель ГРК: список разрешенных и запрещенных к исполнению произведений / под ред. Н. А. Равича. М.; Л.: Театропечать, 1929. С. 27.
- 41 МХАТ. Дневник спектаклей: сезон 1928–29 г. // Музей МХТ. Опись 28 сезона. Ч. VIII. № 410. Лл. 40–55.
- 42 *Арский П. А.* Разгром Колчака: пьеса в 4 д. 8 карт.: [машинопись, б. д.] // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 396. 96 лл.
- 43 Там же. Л. 14.
- 44 Там же. Л. 17.
- 45 Там же. Л. 43.
- 46 Там же. Л. 93.
- 47 Там же. Л. 94.
- 48 Там же. Л. 95.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Там же. Л. 24.
- 52 *Сталин И. В.* Письмо к В. Н. Билль-Белоцерковскому от 2 февраля 1929 // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. С. 328.